

Tariq Ali, *The Dilemmas of Lenin: Terrorism, War, Empire, Love, Revolution*

London: Verso, 2017, 384 pp., ISBN 9781786631107

Марина Симакова

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Конкретный Ленин в конкретной ситуации

Книга историка и активиста Тарика Али, написанная аккурат к годовщине Октябрьской революции, представляет собой яркий и своевременный исследовательский очерк. Организуя тонкую, политизированную пересборку материала из широко известных и доступных на английском языке источников, автор предлагает читателю современный взгляд на историю русской революции, в центре которой находится фигура Ленина. В то же время Ленину — его Али описывает не только с симпатией, но с теплотой и даже с некоторым благоговением — в книге отведено не так уж много места, и он несколько отличается от своих привычных ипостасей. Прозорливый стратег, язвительный публицист, милитантный и расчетливый политик, теоретик и эрудит, штурмующий «Науку логики» так же решительно, как Зимний дворец, непогрешимый герой соцреалистической мифологии и демон, погубивший империю, — Али отказывается от всех этих клишированных образов, обещая демумифицировать Ленина, запертого в стеклянном гробу собственного культа. Живой Ленин — это прежде всего человек, отзывающийся на требования времени, остро чувствующий и критически мыслящий, вынужденный делать непростой выбор с далеко идущими последствиями и способный на «конкретный анализ конкретной ситуации». Именно поэтому не ленинизм и не сам Ленин, а его дилеммы, а также причины их возникновения и пути разрешения, оказываются предметом исследования данной книги. Ленин был политиком своей эпохи и в равной степени принадлежал российской революционной традиции с ее анархо-террористическим прошлым и европейскому рабочему движению. Ориентируясь прежде всего на западного читателя, Али реконструирует оба этих контекста, внутри которых, как он полагает, формировались политические принципы Ленина и вызревали предстоящие ему политические вызовы.

Книга состоит из пяти частей, и каждая из них содержит тематический разбор исторических обстоятельств, составивших фон и ставших основанием для возникновения той или иной «дилеммы». Эти части неоднородны, они существенно разнятся не только по объему и тематике, но также по событийной интенсивности и широте фактологического охвата. Али начинается с того, что оспаривает уже привычное в постсоветской историографии обозначение октябрьских событий в качестве «переворота». Вооруженный захват власти не отменяет социальной (и социалистической) революции: большевики форсировали перемены, которых требовали массы и которых ждали как в России, так и за ее пределами. Этот тезис Али пытается доказать, продвигаясь от одной главы к другой по ходу реконструкции ситуаций, где, с одной стороны, происходило необходимое пробуждение угнетенных, верящих «в собственную способность эмансипироваться», а с другой — возникали ленинские дилеммы. Изучение условий возникновения этих дилемм помогает проследить логику революции, сила которой питается силой обстоятельств: революция становится событием, т. е. оказывается свершившейся и необратимой, именно благодаря тому, что каждый момент истории таит в себе множество альтернатив, распознавать и распоряжаться которыми и означает заниматься политикой.

Первая часть предлагает введение в историю русского анархизма и описывает политический климат второй половины XIX века, где появляется юный Ленин, выходец из патриархальной семьи, глубоко потрясенный смертным приговором старшему брату. Анализируя «Катехизис революционера» Сергея Нечаева и обращаясь к русской классической литературе, Али пытается расшифровать культурный код русского революционного романтизма позапрошлого столетия, тянувшегося от декабристов до террористов-народников. Именно с этой линией (романтизм, анархизм, терроризм), как показывает автор, порывает Ленин: дилемма «анархизм или массовая борьба» однозначно решается им в пользу последней. Описывая политическое становление Ленина в контексте истории с его братом и партийно-кружковых дебатов, а не как последовательное развитие его персональной политической интуиции, Али заключает, что терроризм «представлял собой неэффективную замену массовому действию. Он был сосредоточен на отдельных лицах, оставляя систему невредимой, из-за чего он уже давно перестал вызывать интерес и привлекать большую часть интеллигенции» (Ali 2017: 88). В то же время автор неоднократно обнаруживает признаки анархистских симпатий Ленина, например в его текстах или в отношениях с Мартовым или Кропоткиным¹. Таким образом, русская революция, опо-

¹ В своем недавнем интервью Али говорит об анархистской «привычке» Ленина еще более прямо (см. Ali, Weissman 2017).

ру которой составляла централизованная, авангардистская партия, не в последнюю очередь оказалась возможной благодаря своей анархистской «подкладке»², а также, возможно, благодаря постоянному «вытеснению» (одновременно актуализации и сдерживанию) Лениным анархистской традиции.

Во второй части рассматривается противостояние между Лениным и ядром европейского марксистского движения — немецкими социал-демократами, поддержавшими участие Германии в Первой мировой войне. Как известно, Ленин был сразу резко настроен против войны и твердо стоял на позициях интернациональной борьбы с империалистическими режимами и классовым угнетением. Наиболее ценным здесь представляется решение Али поместить известный конфликт Ленина с СДПГ в широкий контекст социалистических движений того времени. Так, главы «Рождение интернационализма» и «Социализм» охватывают не только Германию, Францию и Британию: в них анализируется положение социалистов в Америке и Японии, отдельно упоминается БУНД (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России). Али полагает, что социалистические движения разных стран, несмотря на все различия, сталкивались с похожими проблемами в своих внутренних дебатах и конфликтах. Именно это позволяло Ленину надеяться на возможность преобразования империалистической войны в войну гражданскую, направленную народами против своих правительств. Подобный подход также позволяет Али рассматривать Ленина в качестве универсальной фигуры революционера, политический опыт которого резонировал с глобальной историей.

Центральная, третья часть ожидаемо посвящена событиям с 1917 по 1920 год и ключевой дилемме захвата власти, разрешенной Лениным в ночь на 25 октября. Позиция Али заключается в том, что даже самой сильной партии, чья деятельность направлена на достижение одной-единственной цели (совершить революцию), свойственно в критический момент совершать фатальные стратегические ошибки. Успешная революция требует политической интуиции, «чувства момента», подстегивающего политическую решимость (и граничащего с искусством распорядиться фортуной, описанным еще Макиавелли). По Али, именно отношение

² На первый взгляд, этот тезис далек от оригинальности. О значительном влиянии русского анархизма как на процессы социалистической революции, так и на политическую/коммунистическую культуру в целом написаны десятки, если не сотни трудов. Вместе с тем в англофонном контексте действительно доминирует тенденция не только противопоставлять ленинизм анархизму, но и изображать Ленина в качестве бескомпромиссного адепта жесткой «организации», централизации, политического лидерства, а в некоторых случаях и как кровавого тирана. Именно эту тенденцию оспаривает Али.

к конкретной ситуации, «сознательное использование событий» отличает Ленина от Кромвеля и Робеспьера, оказавшихся на авансцене революции благодаря самому событию — так сказать, вынесенных вперед революционной волной. Исторические обстоятельства невозможно подчинить чьей-то воле, но можно обернуть их на пользу политического дела: именно так произошло с Первой мировой войной, ненавистной Ленину, но сыгравшей ему — и русской революции — на руку. В быстрой реакции на конкретную ситуацию, в умении сделать из нее выводы и конвертировать их в тактику заключается ленинский рецепт — и политический урок, который, по Али, надлежит извлечь и читателю его книги, и читателю ленинских текстов. Так, всякий раз, когда Ленин менял курс, союзников, политическое послание, он делал это не потому, что не имел убеждений и цинично преследовал личные интересы, а потому, что этого требовали политические задачи, как бы откалиброванные новой ситуацией.

Если революционное восстание и взятие власти требовали быстрой и точной оценки обстоятельств и их внутренних «потенциальностей», то каким образом большевикам удалось сдерживать вспышки контрреволюции и не допустить термидора, выиграв гражданскую войну? Для Али ответ очевиден: это была целиком заслуга Красной армии, военной стратегии и командарма Тухачевского (в книге приводится его до крайности комплиментарная биография). Стоит заметить, что освещение гражданской войны является самым слабым местом книги: по сути, оно представляет собой сжатую историю формирования РККА, основанную на работах военного историка Джона Эриксона. Отсутствуют и сама хроника войны, и какая-либо репрезентация фронтовой жизни и агитационной работы, не говоря уже о социальной фактуре и анализе сопутствующих гражданской войне настроений. Возникает закономерный вопрос: если окончательная победа революции, по Али, была напрямую связана с завоеванием масс и движением снизу (особенно учитывая, что автор неоднократно обращает внимание на анархистские корни Ленина и его восхищение Парижской коммуной), то почему победа в гражданской войне оказывается исключительно достижением армии, а точнее ее первых лиц? Принимая во внимание наличие англоязычных исследований и обширный пласт переведенной художественной литературы, к которой автор обращается в других главах, ссылка на категорическую нехватку материала «об этом важнейшем периоде тяжелых испытаний» кажется натянутой³. Вероятно, этот период никогда не вызывал у него специального интереса — куда сильнее его

³ Стоит сказать, что Али все-таки вскользь упоминает рассказы Бабеля, но относится к ним с осторожностью, называя их «фрагментарными и автобиографичными».

волнуют те восемь месяцев, что разделяли Февраль и Октябрь. Они кажутся автору «самыми свободными в истории»: по Али, жизнь в это время представляла собой форменный «праздник угнетенных», в ходе которого каждая площадь, каждая ярмарка превращалась в своего рода Агору — место обсуждения, место присутствия, место сотворения политики. Тем не менее нужно преодолеть символические границы 17-го года для того, чтобы оценить размах этого праздника. Его подлинно греческий, дионисийский трагизм, карнавальность и политический смысл («пятиконечные звезды / выжигали на наших спинах / панские воеводы»⁴, и пр.) проступают именно в годы гражданской войны.

В четвертой части представлена история участия женщин в революционной борьбе, начиная с народоволок, с экскурсом в постреволюционную гендерную политику. Здесь упоминаются беспрецедентно прогрессивные по тем временам государственные реформы (принятие нового семейного кодекса, призванного освободить советскую женщину от патриархальных устоев, и пр.) и работа женотделов, способствующих сексуальному просвещению и политической самоорганизации женщин. Правда, по Али, расформирование последних и вынужденный отъезд идеолога женотделов Коллонтай в Норвегию были связаны с обвинениями в пропаганде сексуальной распущенности, звучавшими в ее адрес. Однако куда более веской кажется иная причина, а именно партийная критика «феминистского уклона» женотделов и попытка пресечь их растущую политическую автономию⁵. Али также разбирается с «дилеммой любви», реконструируя воззрения Ильича на сексуальность и погружая читателя в перипетии его личной жизни. Здесь автор совершает своеобразное — и порой избыточное — упражнение в герменевтике переживаний, результаты которого, впрочем, выглядят вполне правдоподобно. Между Крупской и Арманд Ленин предсказуемо выбрал революцию — как вопреки, так и благодаря глубоким и взаимным чувствам, которые он испытывал к обеим. Так или иначе, Али доказывает, что, во-первых, история русской революции непредставима без женского участия и, во-вторых, немислима без отказа от буржуазного, индивидуалистического взгляда на сексуальные отношения — отказа, который разделяли ведущие члены партии и который стал органической частью ранней постреволюционной государственной повестки.

Заключительная часть посвящена последним годам жизни Ленина, исполненным разумного беспокойства за будущее молодого советского государства и партии. Согласно резолюции «О единстве

⁴ Маяковский 1957: 295.

⁵ Об этом см. Здравомыслова, Тёмкина 2003: 308.

партии», принятой на X съезде, был взят курс на последовательную борьбу с любыми проявлениями внутрипартийной оппозиции. Так партия, некогда жившая острыми политическими дебатами, лишилась своих вернейших попутчиков (Коллонтай, Шляпников и др.) и выбрала путь, ведущий к политическому самоубийству. По Али, большевики оказались на пороге смерти одновременно со своим лидером. И здесь автору уже не удастся обойтись какой-то одной дилеммой Ильича, речь идет скорее о сомнениях и тревогах — и неизбежном подведении итогов. На закате собственной истории Ленин, наконец, показан как политический мыслитель, и дается оценка его вклада в «теорию практики»: «Именно Ленин развил идеи Маркса и усилил их политический характер, акцентируя автономию политического» (Ali 2017: 319). И именно Ленин в 20-е годы настаивал на необходимости повышения и укрепления общей и партийной культуры, предвосхищая теоретические интуиции Грамши. Однако для Али Ленин не просто «органический интеллект» и апологет марксизма *par excellence*. Он в первую очередь человек, который мыслил, дружил, любил, то есть *действовал*, в соответствии с требованиями конкретной ситуации и в согласии с политической волей.

Вместо эпилога предлагается, можно сказать, лирическая выдержка из позднего ленинского текста «Заметки публициста», любимого Брехтом и опубликованного вскоре после смерти Ленина. Этот выбор становится дополнительным основанием утверждать, что данная книга не только и не столько историческое исследование, но в первую очередь *оммаж*. В таком случае ее огрехи — эмоциональность и торопливость, теоретическая слабость, нехватка источников, путаница с некоторыми названиями и фамилиями⁶ — не так уж значительны. Если говорить о поставленной задаче, а именно о заявленном намерении демумифицировать Ленина, то автор ее достиг. Ленин предстает перед читателем и как человек из плоти и крови, захваченный водоворотом событий, и как часть истории международного марксистского движения, революционной борьбы и российской политической культуры. Унаследованная еще от историков XIX века дискуссия по поводу роли личности в истории широко известна; и, хотя она не раз становилась поводом для новых дебатов и теоретических тонкостей со стороны марксистов⁷, Али

⁶ Например, разночинцы обозначены как “raznochiny”, Туган-Барановский — “Tugan-Baransky”, а Конкордия Самойлова — “Samoilovna”.

⁷ На эту тему имеется чрезвычайно важный для русского марксизма текст Плеханова «К вопросу о роли личности в истории», впервые опубликованный в 1898 году, со следующей формулировкой: «В общественных отношениях есть своя логика: пока люди находятся в данных взаимных отношениях, они непременно будут чувствовать, думать и поступать именно так, а не иначе. [...] Но если

ссылается на ее основное положение как на предмет консенсуса: материальные и общественные силы задают траектории развития индивида и те обстоятельства, в которых он может действовать. Придерживаясь этого нехитрого положения, Али показывает, почему неверно противопоставлять Ленина истории, партии и революционно настроенным массам — ни как политического гения, ни как авторитетного лидера, ни тем более как тирана. В этом состоит не только логика аргумента, но и очередной урок, который, по Али, стоит усвоить: без Ленина, умеющего поставить и разрешить ту или иную дилемму именно тогда, когда «кризис назрел», не было бы революции, однако без кризисных или переломных ситуаций, задающих экзистенциальные задачи и требующих ответа (мысли, решения, действия), не было бы самого Ленина. Неслучайно обстоятельствам, а также соратникам, оппонентам и товарищам Ленина в книге отводится едва ли не больше места, чем ему самому. Поэтому книга Али по праву претендует на то, чтобы пополнить канон вспомогательной марксистской литературы наряду, например, с «Размышлениями о западном марксизме» Перри Андерсона. В 1924 году, уже после смерти Ленина, Луначарский, читая беспризорникам лекцию о героизме, возвещал будущие времена, в которых не будет ни индивидуалистов-мещан, ни испорченных хюбрисом героев (Луначарский 1925: 49). Ленин надеялся на то же самое — он презирал демонизирующие и героизирующие культы. Несмотря на отсылки к современной политической ситуации, Али попытался написать о Ленине из того будущего, которое так и не наступило.

Библиография

- Здравомыслова, Елена и Анна Тёмкина (2003). «Государственное конструирование гендера в советском обществе». *Журнал исследований социальной политики*, 3/4: 299–321.
- Луначарский, Анатолий (1925). *Героизм и индивидуализм*. М.: Новая Москва.
- Маяковский, Владимир (1957). «Владимир Ильич Ленин [1924]», в Маяковский, Владимир, *Полное собрание сочинений в 13 т.*, т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы.

я знаю, в какую сторону изменяются общественные отношения, благодаря данным переменам в общественно-экономическом процессе производства, то я знаю также, в каком направлении изменится и социальная психика; следовательно, я имею возможность влиять на нее. Влиять на социальную психику — значит влиять на исторические события. Стало быть, в известном смысле я все-таки могу делать историю, и мне нет надобности ждать, пока она “сделается» (Плеханов 1956: 35).

Book reviews / Рецензии

Плеханов, Георгий (1956). «К вопросу о роли личности в истории», в Плеханов, Георгий, *Избранные философские произведения в 5 т.*, т. 2. М.: Издательство политической литературы.

Ali, Tariq, and Suzi Weissman (2017). “The Legacy of Vladimir Lenin”. *Jacobin Magazine*, May 25. <https://www.jacobinmag.com/2017/05/dilemmas-vladimir-lenin-tariq-ali-russian-revolution-democracy>.